

М.Э. ЧумакинаУниверситет графства Суррей,
GU7 2XH г. Гилфорд, Великобритания

Несогласовательные функции согласовательных показателей в дагестанских языках

Дагестанские языки не раз привлекали внимание лингвистов феноменами в области согласования: эргативно-абсолютивная стратегия выбора контролера, согласование нефинитных форм, двойное согласование причастий, 'прозрачное' согласование и пр. Во многих дагестанских языках зарегистрированы необычные мишени согласования: с абсолютивом клаузы согласуется не только предикат, но и наречия, послелого, местоимения и даже существительные. Морфосинтаксические особенности и функционирование таких мишеней согласования изучены недостаточно. Данная работа посвящена особенностям функционирования таких мишеней, а именно, случаям, когда допускается вариативность в выборе контролера с определенным семантическим или прагматическим эффектом. Так, выбор контролера для согласуемых наречий может быть обусловлен их сферой действия, а некоторые согласуемые демонстративы имеют возможность выбрать «нестандартного» контролера, если функцией демонстратива в клаузе является маркирование информационной структуры.

Ключевые слова: морфосинтаксис, согласование, согласование наречий, согласование послелогов, нахско-дагестанские языки

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Чумакина М.Э. Несогласовательные функции согласовательных показателей в дагестанских языках // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 131–148. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-131-148

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-131-148

M.E. ChumakinaUniversity of Surrey,
Guildford, GU7 2XH, United Kingdom

Unusual behaviour of agreement markers in Nakh-Daghestanian languages

Nakh-Daghestanian languages are famous for its rich and versatile agreement. Among the phenomena attracting linguists' attention are absolutes as agreement controllers in the clause, agreement of non-finite forms, multiple agreement of participles and long-distance agreement. In addition to these known facts, many Nakh-Daghestanian languages have unusual agreement targets such as adverbs, postpositions, pronouns and even nouns agreeing with the absolute of the clause. Usage and morphosyntactic properties of these targets have not been studied in any detail. This paper focuses on instances where these targets allow variation in the choice of controller and semantic and pragmatic effects of the choice. Thus, the agreeing adverbs can take the controller depending on their semantic scope and some agreeing demonstratives have a controller choice if they function as markers of information structure.

Key words: morphosyntax, agreement, agreement of adverbs, agreement of postpositions, Nakh-Daghestanian languages

FOR CITATION: Chumakina M.E. Unusual behaviour of agreement markers in Nakh-Daghestanian languages. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 131–148. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-131-148

1. Вступление

Если рассматривать согласование предиката с аргументами или же согласование в пределах именной группы (ИГ), то в целом нахско-дагестанские языки не являются типологической аномалией: в согласовании участвуют морфосинтаксические категории рода (класса) и числа, в некоторых языках имеется согласование по лицу. Контролером согласования по роду и числу в клаузе является абсолют (личное

согласование устроено сложнее), контролером согласования в ИГ является вершина именной группы. По сравнению с языками «европейского стандарта», у согласования в нахско-дагестанских языках более широкая сфера: согласованию по роду и числу подвержена любая клауза, как финитная, так и нефинитная, т.е. мишенями могут выступать конвербы, причастия и масдары (согласования по лицу в нефинитной клаузе не бывает). Эта особенность, а также наличие у многих словоформ (например, у причастий и аналитических предикатов) морфологической возможности маркировать согласование более чем в одной позиции, создает впечатление высокой насыщенности текста согласовательными показателями, даже при условии, что многие глаголы не имеют морфологической позиции согласования. Но есть и еще один фактор, повышающий уровень «согласовательной насыщенности», – во многих нахско-дагестанских языках мишенями согласования в клаузе может быть не только глагол, но и все остальные части речи. Особенности поведения таких необычных мишеней и посвящена настоящая статья.

2. Нестандартные мишени согласования

К числу нестандартных мишеней согласования относятся наречия, послелоги, частицы, местоимения и существительные. В этом разделе приводятся примеры таких мишеней.

2.1. Согласуемые наречия

Согласуемые наречия зафиксированы в аварском, арчинском, багвалинском, гинухском, лакском, хваршинском и цахурском языках. Во всех этих языках согласуемые наречия составляют очень незначительную часть лексикона, не более пяти-шести лексем. И только в арчинском языке имеется около десяти согласуемых наречий. Согласуемые наречия в дагестанских языках не образуют гомогенную группу ни по семантическим, ни по морфологическим признакам. Единственное обобщение, которое мне удалось сделать, – наречия места (часто употребляемые и как послелоги) согласуются несколько чаще, чем другие виды наречий. Так, в аварском языке согласуются наречия *hani-b*¹ ‘внутри’, *xuri-b* ‘в поле’ [Алексеев, 1998, с. 207], в гинухском – наречия *b-eg* ‘хорошо’, *b-okt:o* ‘между’ [Халилов, Исаков, 2005, с. 593], в лакском – *šawaj* ‘домой.l.sg’, *taqunpaj* ‘назад.ш.sg’ [Казенин, 2013, с. 136], в инхокваринском диалекте хваршинского языка – *b-ul:o* ‘сильно’,

¹ Если не оговорено иначе, примеры даются в третьем (среднем) роде, согласовательные показатели отделяются дефисом, а инфиксальные показатели заключаются в угловые скобки.

b-og ‘хорошо’ [Khalilova, 2009, p. 264], *b-aχ:ač* ‘назад’, [Там же, p. 124], *b-olo* ‘на части’ [Там же, p. 131], *ade* ‘здесь’, *one* ‘там’ [Там же, p. 114]. В хонохском диалекте хваршинского языка часть согласуемых наречий соответствуют инхокваринскому: *adi* ‘здесь’, *oengo* ‘там’, *b-olal* ‘поровну’ (инх. *b-olol* ‘вместе, поровну’). Наречия ‘хорошо’, ‘сильно’, ‘назад’ в хонохском диалекте не являются согласуемыми, но зато есть наречие *anač* ‘просто, бесплатно, так’, отсутствующее в инхокваринском. В цахурском языке имеются согласуемые наречия *iftam-ba* ‘приятно’, *hajnaχu-b* ‘таким образом’, *hak'e-ba-b* ‘в самом деле’ [Kalinina, 2002].

В арчинском языке имеются следующие согласуемые наречия: *abbadij<t>u* ‘все время, вечно’, *allij<t>u* ‘бесплатно’, *dit:a<t>u* ‘рано’, *horo:kij<t>u* ‘давным-давно’, *jellij<t>u* ‘так, таким образом’, *k'ellij<t>u* ‘полностью’, *tumat:ij<t>u* ‘по-хорошему’, *no:sut<t>u* ‘давно’, *sij<t>u* ‘в одиночку’, *wallit:ij<t>u* ‘сначала’. Возможность согласования наречия определяется наличием элемента *-ij<t>u*, который является эмфатической частицей. Но если для части наречий эмфатическая частица выделяется как на семантическом, так и на морфологическом уровне (так, наречие *horo:kij<t>u* ‘давным-давно’ образовано от *horo:k* ‘давно’), для части – только на морфологическом уровне (так, наречие *jellij<t>u* ‘так, таким образом’ явно образовано от слова *jella* ‘так’, но усилительной семантики здесь не наблюдается), то для части наречий невозможно не только выделить усилительную семантику, но и определить, от какого слова происходит наречие (таковы наречия *dit:a<t>u* ‘рано’, *no:su<t>u* ‘давно’). Может показаться, что эмфатическая частица в арчинском языке является также и обычным адвербиализатором (без усилительного значения), однако этот способ образования наречий отнюдь не самый распространенный и не может считаться продуктивным.

Ясно, что согласуемые наречия являются морфосинтаксической аномалией и диахронически неустойчивы – даже диалекты одного языка имеют разный набор согласуемых наречий, как это происходит в хваршинском.

Контролером согласования наречий в клаузе является абсолютив. В примере (1) из хваршинского языка наречие *a<r>nač* ‘бесплатно’ согласуется по роду и числу с абсолютивом *televizor*, существительным четвертого рода:

(1) хваршинский

rasul-li	muhammad-es	televizor	a<r>nač
Расул(1)-ERG	Магомед(1)-GEN1	телевизор(IV)	<IV.SG>бесплатно
q'ajida			
чинить.AOR			
‘Расул Магомеду телевизор бесплатно починил’.			

2.2. Согласуемые послелого

Согласуемые послелого встречаются даже чаще согласуемых наречий. Они зафиксированы в аварском (*žani-b* ‘в, внутрь’), андийском (*b-exudu* ‘сзади’, *b-eq’idu* ‘вокруг’, *b-otl’u* ‘между’) [Алексеев, 1998, с. 224], арчинском (*e·b·q’ep* ‘до’), ахвахском (*b-exvege* ‘кроме’ [Магомедова, Абдулаева, 2007, с. 89]), багвалинском (*li·b·o* ‘из-за’), чамалинском (*b-axat’w* ‘за’, *b-akl’a* ‘между’) [Магомедова, 1999, с. 432], годоберинском (*b-akl’u* ‘между’, *s:e·b·a* ‘перед’, *b-exut’u* ‘за, после’, *b-aqut’u* ‘вокруг’ [Татевосов, 1998, с. 245–246]), гинухском (*b-okl:o* ‘между’ [Халилов, Исаков, 2005, с. 593]), лакском и даргинском языках. Как видно из приведенных примеров, кроме послелога ‘между’, который является согласуемым в четырех языках, согласуемые послелого также не образуют гомогенную группу. Как и в случае с согласуемыми наречиями, согласуемые послелого во всех языках представлены всего лишь несколькими лексемами, и ни в одном языке не составляют большинства. Как правило, морфологический слот для согласования у послелогов не является частью продуктивного словообразовательного элемента, возможным исключением является лакский язык, где согласуются «послелого на *-най/-нмай/-ннай*» [Казенин, 2013, с. 61].

Послелого управляют чаще всего формами различных местных падежей; согласуются же они всегда по абсолютиву клаузы. Так, в примере (2) из аварского языка послелог *žani-w* ‘в’ управляет суперэссивом существительного среднего рода *tusnaq* ‘тюрьма’, а согласуется в мужском роде с абсолютивом ‘Расул’, который с этим послелогом синтаксически не связан.

(2) аварский

<i>tusnaq-al-da</i>	<i>žani-w</i>	<i>t’am-una</i>
тюрьма(N)-SG.OBL-SUP	в-M.SG	отправлять-PST
<i>niže-c:a</i>	Rasul	
1PLEXCL-ERG	Расул(M)[SG.ABS]	
‘Мы посадили Расула в тюрьму.’		
(Б. Атаев, личное сообщение)		

2.3. Согласуемые дискурсивные частицы

Согласуемые дискурсивные частицы зафиксированы в арчинском, тиндинском и цахурском языках. Контролером согласования является абсолютив клаузы независимо от семантической сферы действия частицы. Так, в примере (3) из арчинского языка эмфатическая частица *-ij·w·u* модифицирует существительное четвертого рода *s:aʕat* ‘время’,

и усилительная семантика имеется только у именной группы, возглавляемой этим существительным: «в это самое время, немедленно». Согласуется же частица в мужском роде единственного числа с абсолютивом *tuw* ‘он’.

(3) арчинский

<i>jamu-t</i>	<i>s:aʃal-li-t-i-j<w>u</i>	<i>uqʰa-li</i>
тот-IV.SG	время(IV)-OBL-SUP(ESS)-<I.SG>EMPH	I.SG.идти.PFV-EVID
<i>ju-w</i>	<i>jemim-me-s</i>	<i>χir</i>
этот-I.SG[SG.ABS]	те-OBL.PL-DAT	за

‘(Тут он все понял) и немедленно отправился за ними.’ (Т26: 037)²

Подробно о согласуемой частице в арчинском языке см. [Чумакина, 2021].

2.4. Согласуемые местоимения

Согласуемые местоимения имеются только в арчинском языке. Здесь имеются в виду только местоимения, которые согласуются по абсолютиву клаузы. Местоимения, особенно возвратные, часто имеют согласовательный показатель, контролируемый антецедентом или референтом, но такие местоимения не входят в круг явлений, рассматриваемых в этой статье. Не рассматриваются и местоимения, имеющие согласовательный показатель в форме генитива, поскольку в этом случае контролером согласования является вершина именной группы, модифицируемая генитивным местоимением. В арчинском языке с абсолютивом согласуются: эргатив инклюзивного местоимения первого лица множественного числа и датив местоимений первого лица (в обоих числах). Так, в примере (4) эргатив местоимения ‘мы’ *penau* согласуется в третьем роде с абсолютивом *pəlow* ‘плов’, а в примере (5) датив местоимения *b-ez* ‘я’ согласуется во множественном числе с абсолютивом *χ:ʰele* ‘гости’:

(4) арчинский

<i>ja-b</i>	<i>pəlow</i>	<i>penau</i>	<i>bu-kne-tʰu</i>
этот-III.SG	плов(III)[SG.ABS]	<III.SG>1PL.INCL.ERG	III.SG-есть.POT.NEG-NEG

‘Мы этот плов есть не будем.’ [Bond, Chumakina, 2016, p. 65]

(5) арчинский

<i>teb</i>	<i>χ:ʰele</i>	<i>b-ez</i>	<i>eχni</i>
этот.PL	гость(I)[PL.ABS]	I/II.PL-1SG.DAT	<I/II.PL>забывать.PFV

‘Я забыла этих гостей.’ [Там же, p. 66]

² Т26 обозначает номер текста из [Кибрик и др., 2007].

2.5. Согласуемые существительные

В дагестанских языках имеется типологически крайне редкое явление – существительные, выступающие в роли мишени согласования. Здесь имеет смысл различать два типа согласуемых существительных. Первый тип – это существительные, имеющие согласовательный показатель в определенных местных падежах. Именные парадигмы с согласовательным слотом в местных падежах имеются в аварском, лакском, каратинском и в даргинских языках. В примере (6) из литературного даргинского есть два согласуемых существительных – форма инэлатива от существительного *zamunt* ‘время’ и форма инэссива от существительного *wac* ‘лес’. Обе формы содержат согласовательный формант (*i*)*b*, контролером которого является абсолютив *arslan* ‘лев’:

(6) литературный даргинский

ž'a'w	zamunt-a-zi-b-ad	nuša-la	wac'-urb-a-z-ib
очень	время.PL-OBL-IN-N.SG-EL	1PL-GEN	лес-PL-OBL-IN-N.SG
ħerir-ul=ri		arslan	
<N.SG>жить.PFV-CVB=PRET		лев(N)[ABS]	
‘Давным-давно жил в наших лесах лев.’			
(Лев и Заяц: Даргинская сказка. Махачкала, 2014)			

Пример (7) показывает согласование местного падежа существительного в аварском языке: форма инлатива от существительного *tusnaq* ‘тюрьма’ согласуется во множественном числе с абсолютивом *hel* ‘они’:

(7) аварский

hel-gi	tusnaq-al-u<ɾ>e	r-it'e
dem.ABS.PL-ADD	тюрьма(N)-SG.OBL-<PL>INLAT	PL-посылать.IMP
‘...и отправь их в тюрьму.’ [Алексеев, Атаев, 1997, с. 47]		

Наличие согласовательного маркера в парадигме местных падежей – феномен довольно устойчивый, встречается в языках разных групп (лакский, андийские, даргинские). Местные падежи маркируют, в основном, сирконстанты и в синтаксическом плане схожи с наречиями. Кроме того, парадигмы местных падежей часто отличаются и морфологически от «основной» парадигмы существительного. Наличие же согласовательного маркера в одном из основных падежей, т.е. в падеже, маркирующем главный актанта глагола, – это действительно редкий феномен даже внутри нахско-дагестанской семьи. В андийском языке и в туки-тинском диалекте каратинского языка согласовательный слот имеется в форме аффективного падежа. Это падеж, маркирующий первый актанта экспериенциальных глаголов. Так, в примере (8) из андийского

языка экспериенциальный актанта глагола ‘видеть’ *ilu-b-o/ilu-r-o* ‘мать’ согласуется с абсолютивом клаузы: в (8a) согласование в третьем роде со словом *q'inkom* ‘бык’, а в (8b) – в пятом роде со словом *c'ul* ‘палка’:

(8) андийский

a. <i>ilu-b-o</i>	<i>q'inkom</i>	<i>hago</i>
мать(II)-III.SG-AFF	бык(III)[SG.ABS]	видеть.AOR
‘Мать увидела быка.’		
b. <i>ilu-r-o</i>	<i>c'ul</i>	<i>hago</i>
мать(II)-V-AFF	палка(V)[SG.ABS]	видеть.AOR
‘Мать увидела палку.’		

В примере (9) из тукитинского диалекта каратинского языка форма аффектива существительного *waxja* ‘сын’ содержит маркер согласования по третьему роду *-ba*. Контролером согласования, скорее всего, является клауза (‘знает, что P’), или же это дефолтное согласование:

(9) каратинский, тукитинский диалект

<i>waxja-š:u-ba</i>	<i>b-iŋi-dak'a</i>
сын(I)-SG.OBL-III.SG.AFF	III.SG-ЗНАТЬ-PRS
‘Сын знает.’ [Магомедова, Халидова, 2001, с. 449]	

Согласуемого аффектива нет больше ни в одном дагестанском языке. Очевидно, что согласуемый аффектив был общеандийским явлением, но во все остальных андийских языках этот падеж окаменел в форме одного из согласовательных родов. Таким образом, согласование в ядерных падежах не может считаться диахронически устойчивым феноменом. Морфосинтаксически существительные выделяются среди нестандартных мишеней согласования тем, что возможность согласования имеется (на ограниченном участке парадигмы) у всех существительных, а не у группы лексем, как это происходит с мишенями, рассмотренными выше. Подробнее о согласовании существительных в дагестанских языках см. [Chumakina, 2019].

За исключением существительных, все остальные нестандартные мишени согласования представлены в большом количестве языков, но на ограниченном количестве лексем, согласуемые единицы не имеют единого диахронического источника и в целом представляют собой морфосинтаксическую аномалию, которая тем не менее представлена в нахско-дагестанской семье довольно широко. Можно было бы ожидать, что наличие согласовательной позиции у нестандартных мишеней, будучи морфологическим реликтом, не подразумевает никакой функциональной нагрузки и что согласование происходит автоматически,

копируя поведение стандартной мишени – предиката. Однако нестандартные мишени согласования обнаруживают некоторые неожиданные свойства, рассматриваемые в следующем разделе.

3. Несогласовательные функции согласовательных маркеров

Утверждение, что нестандартные мишени согласования имеют своим контролером абсолютив и в этом смысле ведут себя так же, как предикат клаузы, верно для простых случаев. В этом разделе рассматриваются более сложные случаи: наличие в клаузе более одного потенциального контролера (3.1) и использование нестандартной мишени в качестве маркера информационной структуры (3.2).

3.1. Нестандартные мишени согласования в биабсолютивных конструкциях

Почти во всех дагестанских языках возможна биабсолютивная конструкция, когда оба основные актанта транзитивного глагола оформляются абсолютивом. Эта конструкция возможна только при имперфективном предикате, который обычно реализуется аналитически. Лексический компонент аналитического предиката при этом согласуется с абсолютивом объекта, а вспомогательный глагол – с абсолютивом субъекта. Если же в клаузе имеется, например, согласуемое наречие, у которого только один согласовательный слот, то мы оказываемся в ситуации выбора контролера согласования. Существующие грамматические описания, насколько мне известно, эту проблему не обсуждают. Так, в описании синтаксиса лакского языка говорится о наличии согласуемых наречий («Наречия и падежные формы на *-най/-нмай/-ннай* могут согласовываться с подлежащим» [Казенин, 2013, с. 101]) и приводится следующий пример:

(10) лакский

s:ut:ixun<m>aj	Barzulaw-qul	и:ar
к.осени<I.PL>	Барзулав(1)-PL.ABS	молотьба(IV)[SG.ABS]
d-urnu	b-ija	
IV.SG-заканчивать.PFV	I.PL-БЫТЬ.PST	

‘К осени семейство Барзулава закончило молотьбу.’
[Казенин, 2013, с. 98]

В этом примере показана биабсолютивная конструкция с аналитическим предикатом; лексический компонент *d-urnu* ‘заканчивать’ согласуется с абсолютивным объектом *ġ:ar* ‘молотьба’, а вспомогательный

глагол *b-ija* согласуется с абсолютивным субъектом *Barzulawqul* ‘Барзулавы’. Наречие *s:ut:ixun<т>aj* ‘к осени’ согласуется с ним же, но эта возможность согласования обусловлена тем, что наречие употреблено в биабсолютивной конструкции, в эргативно-абсолютивном варианте наречие должно согласовываться с абсолютивом-объектом.

В грамматике арчинского языка [Кибрик и др., 1977] согласование нестандартных мишеней в биабсолютивной конструкции не обсуждается, но в статье 1979 г. А.Е. Кибрик, обсуждая согласование дативного местоимения, утверждает, что контролером согласования в биабсолютивной конструкции может быть только субъект [Kibrik, 1979]. Однако результаты моей полевой работы 2014 г. в селении Арчи дали другие результаты: все говорящие признали грамматичными примеры типа (11):

(11) арчинский

buwa	b-ez	χ ^w alli	b-a-r-ši
мать(II)[SG.ABS]	III.SG-1SG.DAT	хлеб(III)[SG.ABS]	III.SG-делать-IPFV-CVВ
d-i			
II.SG-быть.PRS			
‘Мать делает мне хлеб.’			

Предикат состоит из конверба *b-a-r-ši* ‘делать’, согласующегося с объектом *χ^walli* ‘хлеб’ и вспомогательного глагола *d-i*, согласующегося с субъектом *buwa* ‘мать’. Местоимение *b-ez* ‘мне’ согласуется с объектом *χ^walli* ‘хлеб’ при помощи приставки *b-*. Только трое из десяти опрошенных признали грамматичным вариант, в котором дативное местоимение согласуется с субъектом *buwa* ‘мать’:

(12) арчинский

[?] buwa	d-ez	χ ^w alli	b-a-r-ši
мать(II)[SG.ABS]	II.SG-1SG.DAT	хлеб(III)[SG.ABS]	III.SG-делать-IPFV-CVВ
d-i			
II.SG-быть.PRS			
[?] ‘Мать делает мне хлеб.’			

Дативное местоимение, таким образом, стандартно согласуется с объектом. Факторы, влияющие на выбор контролера согласования дативного местоимения (у того меньшинства говорящих, которые допускают варианты с обоими контролерами), требуют дальнейшего изучения. Согласуемые наречия стандартно допускают согласование как с объектом, так и с субъектом биабсолютивной конструкции:

(13) арчинский

Pat'i	dit:au	χ ^w ib
Пати(II)[SG.ABS]	рано<III.SG>	картошка(III)[SG.ABS]
b-o<r>klin-ši		d-i
III.SG-<IPFV>-копать.IPFV-CVB		II.SG-быть.PRS
'Пати рано копает картошку.'		
(Рано для картошки, она еще не созрела)		

(14) арчинский

Pat'i	dit:a<r>u	q ^w wib
Пати(II)[SG.ABS]	рано<II.SG>	картошка(III)[SG.ABS]
b-o<r>klin-ši		d-i
III.SG-<IPFV>копать.IPFV-CVB		II.SG-быть.PRS
'Пати рано копает картошку.'		
(Пати рано встала и копает картошку)		

Примеры (13) и (14), как видно из примечаний к переводам, имеют разное значение: в примере (13) наречие *dit:au* 'рано' имеет сферой действия объект *q^wwib* 'картошка' и согласуется с ней в третьем роде. В примере (14) наречие *dit:a<r>u* 'рано' имеет сферой действия субъект *Pat'i* и согласуется с ней во втором роде.

Все примеры в этом разделе получены методом элицитации: биабсолютивная конструкция встречается в текстах относительно редко, а согласуемых наречий в арчинском языке довольно мало, поэтому вероятность обнаружить нужную конструкцию в тексте ничтожно мала. Надо сказать, что при переводе на арчинский язык первым вариантом всегда предлагается предложение, где наречие согласуется с абсолютивом объекта, как показывает пример (15).

Биабсолютивная конструкция с двумя наречиями:

(15) арчинский

zon	abbadij<t'>u	allij<t'>u	gudum-mi-n'
1SG.ABS	всегда<IV.SG>	бесплатно<IV.SG>	TOT.I.SG-OBL.SG-GEN
nokł	mu	a-r-ši	w-i
дом(IV)[SG.ABS]	быть.хорошим	[IV.SG]делать-IPFV-CVB	I.SG-быть.PRS
'Я его дом все время бесплатно ремонтирую.'			

В примере (15) имеются два наречия: *abbadij<t'>u* 'все время, вечно' *allij<t'>u* 'бесплатно'. Оба наречия согласуются в четвертом роде с абсолютивом *nokł* 'дом'. Однако возможен и вариант, при котором наречие 'все время' согласуется с абсолютивом субъекта *zon* 'я':

(16) арчинский

zon	abbadij<w>u	allij<t'>u	gudum-mi-n
1SG.ABS	всегда<I.SG>	бесплатно<IV.SG>	TOT.I.SG-OBL.SG-GEN
nokl'	mu	a-r-ši	w-i
дом(IV)[SG.ABS]	быть.хорошим	[IV.SG]делать-IPFV-CVВ	1.SG-БЫТЬ.PRS

‘Я его дом все время бесплатно ремонтирую.’

Как кажется, такую вариативность можно объяснить различиями в сфере действия наречия: ‘бесплатно’ относится больше к тому, как именно происходит ремонт дома, а ‘все время’ модифицирует все предложение и больше связано с субъектом. Вариант, при котором оба наречия согласуются с субъектом, был охарактеризован моим переводчиком как «неудачный», но только вариант, представленный в предложении (17), был признан однозначно неграмматичным:

(17) арчинский

*zon	abbadij<t'>u	allij<w>u	gudum-mi-n
1SG.ABS	всегда<IV.SG>	бесплатно<I.SG>	TOT.I.SG-OBL.SG-GEN
nokl'	mu	a-r-ši	w-i
дом(IV)[SG.ABS]	быть.хорошим	[IV.SG]делать-IPFV-CVВ	1.SG-БЫТЬ.PRS

*‘Я его дом все время бесплатно ремонтирую.’

Неграмматичность примеров типа (17) показывает, что выбор контролера наречий подчиняется определенным правилам, и эти правила скорее семантического, чем чисто синтаксического характера.

Поведение нестандартных мишеней согласования в биабсолютивной конструкции в хонохском диалекте хваршинского языка подробно рассматривается в [Chumakina, Lyutikova, ms], но в целом поведение таких мишеней в ситуации наличия более одного контролера изучено недостаточно. Между тем, согласование наречий, например, в арчинском языке демонстрирует отличие биабсолютивных конструкций от обычных биклаузальных конструкций (о биклаузальной интерпретации биабсолютивов см. [Gagliardi et al., 2014]). Так, согласуемое наречие в клаузе, возглавляемой уступительным конвербом, может согласовываться только с абсолютивом этого конверба. Так, в (18) наречие *dit:a<r>u* ‘рано’ может иметь своим контролером только абсолютив *zon* ‘я’.

(18) арчинский

zon	dit:a<r>u	d-aqʕa-šaw
1.SG.ABS	рано<II.SG>	II.SG-приходить.PFV-CONC
maršrutka		oqʕa
маршрутка(IV)[SG.ABS]		[IV.SG]уходить.PFV

‘Хотя я рано пришла (на остановку), маршрутка уехала.’

Согласование наречия с абсолютивом *maršrutka* является неграмматичным:

(19) арчинский

*zon	dit:a<t'>u	d-aq ^ʕ a-šaw
1.SG.ABS	рано<IV.SG>	II.SG-приходить.PFV-CONC
maršrutka		oq ^ʕ a
маршрутка(IV)[SG.ABS]		[IV.SG]уходить.PFV
'Хотя я рано пришла (на остановку), маршрутка уехала.'		

3.2. Нестандартные мишени согласования как маркеры информационной структуры

В данном разделе представлены предварительные итоги изучения поведения согласуемых наречий и демонстративов в хонохском диалекте хваршинского языка. Данные получены в ходе полевой работы в июле 2019 г., селение Хонох.

В хонохском диалекте имеются собственно согласуемые наречия, например *adi* 'здесь'. Примеры (20) и (21) показывают согласование этого наречия с абсолютивом клаузы:

(20) хваршинский, хонохский диалект

kad ^ʃ	a<j>di	go ^ʎ e
девочка(II)[SG.ABS]	<II.SG>здесь	COP.PRS
'Девочка здесь.'		

(21) хваршинский, хонохский диалект

zi ⁿ hi ⁿ	adi	go ^ʎ e
корова(III)[SG.ABS]	<III.SG> здесь	COP.PRS
'Корова здесь.'		

Бытийная связка *go^ʎe*, как видно из примеров, не имеет согласовательной позиции. Но в хонохском диалекте существуют предикативные демонстративы *ae* 'вот' (близко к говорящему) и *oe* 'вон' (дальше от говорящего), диахронически связанные с группой наречий со значением 'здесь' и 'там'. В отличие от наречий, эти демонстративы могут возглавлять клаузу (22) и не употребляются со связкой (23):

(22) хваршинский, хонохский диалект

a<r>e	šog	/	o<r>e	šog
<IV.SG>вот	кастрюля(IV)[SG.ABS]	/	<IV.SG>вон	кастрюля(IV)[SG.ABS]
Вот кастрюля. / Вон кастрюля.				

(23) хваршинский, хонохский диалект

*a<r>e	šog	goŕe /
<IV.SG>вот	кастрюля(IV)[SG.ABS]	COP.PRS /
*o<r>e	šog	goŕe
<IV.SG>вон	кастрюля(IV)[SG.ABS]	COP.PRS

*Вот кастрюля. / *Вон кастрюля.

Демонстративы могут употребляться не только в своем прямом значении, но и выступать в роли маркера контрастивного топика, как в предложении (24):

(24) хваршинский, хонохский диалект

ae	di-ja	q'ale	mičah-ab,	Rasule-s
<NPL>вот	1.SG-GEN1	дети.ABS	богатый-NPL	Расул.OBL-GEN1
q'ale	biskin-ab			
дети.ABS	бедный-NPL			

‘Вот мои дети богатые, а Расуловы – бедные.’

В (24) демонстратив *ae*, согласующийся с абсолютивом *q'ale* ‘дети’, не выражает пространственного значения, а противопоставляет субъект первой клаузы субъекту второй. То же происходит и в предложении (25), где демонстратив *a<j>e* согласуется с абсолютивом первой клаузы *da* ‘я’, противопоставляя его абсолютиву второй клаузы *ta* ‘ты’. В (25) клаузу, содержащую демонстратив, возглавляет глагол *j-i:č'a* ‘проснулась’, что означает, что в качестве маркера топика демонстратив теряет свою предикативность (или, по крайней мере, может терять).

(25) хваршинский, хонохский диалект

da	a<j>e	ašemtl'o	j-i:č'a
1.SG.ABS	<II.SG>вот	время.SUP	II.SG-просыпаться.AOR
ta	j-i:č'aj		
2.SG.ABS	II.SG-просыпаться.NEG		

‘Я вот проснулась вовремя, а ты не проснулась.’

В предложениях (26)–(27) топиком клаузы выступал абсолютив, и демонстратив согласовывался с ним. В случае же, когда контрастивным топиком является неабсолютивная составляющая, демонстратив согласуется не с ним. Так, в предложении (26) топиком является составляющая в дативе *Rasul-el*, но демонстратив согласуется по третьему роду с абсолютивом *os* ‘деньги’:

(26) хваршинский, хонохский диалект

ae	Rasul-el	os	b-a:qa
<III.SG>ВОТ	Расул-ДАТ	деньги(III)[SG.ABS]	III.SG-получить.AOR
a	deb-el	b-aqaj	
a	2SG.DAT	III.SG-получить.NEG	

‘Вот Расул получил деньги, а ты не получил.’

То же самое происходит в (27):

(27) хваршинский, хонохский диалект

ae	Rasul-el	b-iq'e	hisab,
<III.SG>ВОТ	Расул-ДАТ	III.SG-знать	математика(III)[SG.ABS]
deb-el	b-iq'a-jte		
2SG-DAT	III.SG-знать-NEG		

‘Вот Расул знает математику, а ты не знаешь.’

Топиком является составляющая в дативе *Rasul-el*, и демонстратив согласуется по абсолютиву *hisab* ‘математика’. Однако это не единственно возможное согласование. Как показывает пример (28), вариант, при котором контролером согласования демонстратива выступает неабсолютивная составляющая, тоже возможен: в предложении (28) *a<w>e* ‘вот’ согласуется в первом роде с дативом *Rasul-el*:

(28) хваршинский, хонохский диалект

a<w>e	Rasul-el	b-iq'e	hisab,
<I.SG>ВОТ	Расул-ДАТ	III.SG-знать	математика(III)[SG.ABS]
deb-el	b-iq'a-jte		
2SG-DAT	III.SG-знать-NEG		

‘Вот Расул знает математику, а ты не знаешь.’

Данные хонохского диалекта требуют дальнейшей проверки, но в принципе нам известны случаи употребления согласовательных и предикативных показателей как маркеров информационной структуры в дагестанских языках [Testelefs, 1998; Kazenin, 2002; Forker, 2016].

Например, в цахурском языке вспомогательный глагол *ixes* выступает как маркер фокуса, ср.

(29) цахурский

a ^h le:	ekin	ez-a	ix-es
Али-ERG	поле(IV)[SG.ABS]	[IV.SG]пахать-IPF	[IV.SG]стать-POF

‘Али будет пахать поле.’

(30) цахурский

a ^h le:	ix-es	ekin	ez-a
Али-ERG	[IV.SG]статья-ПОТ	поле(IV)[SG.ABS]	[IV.SG]пахать-IPF
‘Али будет пахать поле.’ [Казенин, 1999, с. 584]			

В тантынском варианте даргинского языка фокус маркируется перемещением согласуемой связки, которая может согласовываться как с абсолютивом (31), так и с эргативом (32):

(31) даргинский (с. Танты)

χ:ink'-e	pat'imat-li=sa=d	d=irq'-u-se
хинкал-PL	Патимат-ERG=COP=NPL	NPL=делать:IPF-PRS-ATR
čut-ne	ʒa ^h tikat-li	
чуду-PL	Атикат-ERG	

(32) даргинский (с. Танты)

χ:ink'-e	pat'imat-li=sa=ɾ	d=irq'-u-se
хинкал-PL	Патимат-ERG=COP=F	NPL=делать:IPF-PRS-ATR
čut-ne	ʒa ^h tikat-li	
чуду-PL	Атикат-ERG	

(‘Кто готовит хинкал и чуду?’) ‘Хинкал готовит Патимат, а чуду (печет) Атикат’. [Сумбатова, Ландер, 2014, с. 359]

Заключение

Нестандартные мишени согласования в дагестанских языках имеют разное происхождение и – в зависимости от их функции – разные морфосинтаксические свойства. Так, наречия, рассмотренные в статье, допускают вариативность контролера согласования в зависимости от их сферы действия, а демонстративы в своем несобственном значении допускают в качестве контролера неабсолютивную ИГ. Такое поведение сближает эти мишени с согласованием в именной группе (конкорд). Согласование предикативного демонстратива в хваршинском, на первый взгляд, сходно с фокусным употреблением связки в даргинском языке, но это явление требует дальнейших исследований. В целом изучение морфосинтаксического поведения нестандартных мишеней может пролить свет на структуру малых клауз, предикативную природу наречий и на наше общее представление о структуре клаузы в дагестанских языках.

Библиографический список / References

Алексеев, 1998 – Алексеев М.Е. Аварский язык // Языки мира: Кавказские языки / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М., 1998. С. 203–216. [Alekseev M.E. Avar. *Yazyki mira: Kavkazskie yazyki*. М.Е. Alekseev (ed.). Moscow, 1998. Pp. 203–216. (In Rus.)]

Алексеев, Атаев, 1998 – Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М., 1998. [Alekseev M.E., Ataev B.M. *Avarskii yazyk* [Avar]. Moscow, 1998.]

Казенин, 1999 – Казенин К.И. Фокусная конструкция // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 582–607. [Kazenin K.I. Focus construction. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii*. Kibrik A.E., Testelet's Ya.G. (eds.). Moscow, 1999. Pp. 582–607. (In Rus.)]

Казенин, 2013 – Казенин К.И. Синтаксис современного лакского языка. Махачкала, 2013. [Kazenin K.I. *Sintaksis sovremennogo lakskogo yazyka* [Syntax of the modern Lak language]. Makhachkala, 2013.]

Кибрик и др., 1977 – Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [An experience of structural description of the Archi Language]. Moscow, 1977.]

Кибрик и др., 2007 – Корпус арчинских текстов / Кибрик А.Е., Архипов А.В., Даниэль М.А., Кодзасов С.В. 2007. URL: <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/rus/archi/corpus.php> (дата обращения: 17.09.2020) [Kibrik A.E., Arkhipov A.V., Daniel M.A., Kodzasov S.V. 2007. Archi texts corpus. URL: <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/eng/archi/corpus.php>.]

Магомедова, 1999 – Магомедова П.Т. Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999. [Magomedova P.T. *Chamalinsko-russkii slovar* [Chamalal-Russian dictionary]. Makhachkala, 1999.]

Магомедова, Абдулаева, 2007 – Магомедова П.Т., Абдулаева И.А. Ахвахско-русский словарь. Махачкала, 2007. [Magomedova P.T., Abdulaeva I.A. *Akhvakhsko-russkii slovar* [Akhvakh-Russian dictionary]. Makhachkala, 2007.]

Магомедова, Халидова, 2001 – Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш. Каратинско-русский словарь. Махачкала, 2001. [Magomedova P.T., Khalidova R.Sh. *Karatinsko-russkii slovar* [Karata-Russian Dictionary]. Makhachkala, 2001.]

Сумбатова, Ландер, 2014 – Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М., 2014. [Sumbatova N.R., Lander Yu.A. *Darginskii govor seleniya Tanty. Grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [Dargin dialect of the village of Tanty. Grammar sketch, syntax issues]. Moscow, 2014.]

Татевосов, 1998 – Татевосов С.Г. Годоберинский язык // Языки мира: Кавказские языки / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М., 1998. С. 237–253. [Tatevosov S.G. Godoberi. *Yazyki mira: Kavkazskie yazyki*. М.Е. Alekseev (ed.). Moscow, 1998. Pp. 237–253. (In Rus.)]

Халилов, Исаков, 2005 – Халилов М.Ш., Исаков И.А. Гинухско-русский словарь. Махачкала, 2005. [Khalilov M.Sh., Isakov I.A. 2005. Ginukhsko-russkii slovar [Ginukh-Russian dictionary]. Makhachkala, 2005.]

Gagliardi et al., 2014 – Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N. Biabsolutives in Lak and Tsez. *Lingua*. 2014. No. 150. Pp. 137–170.

Chumakina, Bond, Corbett, 2016 – Chumakina M., Bond O., Corbett G.G. Essentials of Archi grammar. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. O. Bond, G.G. Corbett, M. Chumakina, D. Brown (eds.). Oxford, 2016. Pp. 17–42.

Chumakina, 2021 – Chumakina M. The agreeing emphatic particle in Archi. *Durkhasi khazna. Sbornik statey k 60-letiyu R.O. Mutalova*. E.A. Maysak, N.R. Sumbatova, Ya.G. Testeleys (eds.). Moscow, 2021. Pp. 451–472.

Kazenin, 2002 – Kazenin K.I. Focus in Daghestanian and word order typology. *Linguistic Typology*. 2002. No. 6. Pp. 289–316.

Chumakina, Bond, Kaye, 2019 – Chumakina M., Bond O., Kaye S. Nouns as targets for clausal agreement. Paper given at the 13th Conference of the Association for Linguistic Typology. University of Pavia, September 6, 2019.

Forker, 2016 – Forker D. Floating agreement and information structure. The case of Sanzhi Dargwa. *Studies in Language*. 2016. Vol. 40. No. 1. Pp. 1–25.

Kalinina, 2002 – Kalinina E. Tsakhur language report. Surrey database of Agreement. 2002. URL: <https://www.smg.surrey.ac.uk/agreement/> (accessed on 12.04.2021).

Kibrik, 1979 – Kibrik A. Canonical ergativity and daghestan languages. *Ergativity*. F. Plank (ed.). London, 1979. Pp. 61–77.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A Grammar of Khwarshi. Dr. diss. Rijksuniversiteit te Leiden. 2009.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Чумакина Марина Эдуардовна – кандидат филологических наук; научный сотрудник Суррейской морфологической группы факультета литературы и лингвистики, Университет графства Суррей, г. Гилфорд, Великобритания

Chumakina Marina E. – PhD in Linguistics; Research Fellow at the Surrey Morphology Group of School of Literature and Languages, University of Surrey, Guildford, United Kingdom

E-mail: chumakina@mail.ru